

Я — вот уже седьмое поколение нашей семьи, по воле Божьей живущее в Казахстане.

Бывая в паломнических поездках в России, часто приходится слышать от россиян, что мы — русские из Казахстана, чересчур фанатично верим в Бога. Нет, мы не фанаты, просто по-особенному чувствуем все наше, исконно русское, родное. По-особенному трепетно мы чтим русские традиции, завещанные и бережно переданные нам предками; по-особенному тоскливо и сладостно щемит сердце от русских песен; по-особенному радостно и доверчиво отзывается душа на церковный благовест; и слово «Россия» произносится с благоговением. Живущим в России не понять, как важно русским людям, живущим в других странах, уважать культуру и традиции чужого народа, но при этом не раствориться в чужом этносе, а сохранить свою самобытность, оставаться русскими.

В нашей семье хранительницей русских традиций и крепким звеном в цепочке, связывающей поколения, была моя прабабушка Пелагея Петровна Гаврилова. Удивительно мудрая и сильная русская женщина, казачка. Именно она научила нас любить все родное, русское и чувствовать себя в Казахстане кусочком России — россиянами.

Трудная судьба выпала на долю этой женщины: революция, гражданская война, «раскулачка», Великая Отечественная война. Ее судьба — это судьба всех казаков, оставшихся верными своей Родине, Богу, сохранивших святую православную веру.

Семья прабабушки — потомственные казаки, приехавшие когда-то из Воронежа, — жила в станице Боголюбово. Работали много, хозяйство содержали большое, вставали с первыми лучами солнца. Батраков никогда не нанимали, трудились сами. Но новая

советская власть посчитала все их добро, нажитое своим трудовым потом, незаконным и поставило на их семью страшное клеймо «кулаки». Прабабушка всегда удивлялась: «Сколько добра, скотины, зерна, птицы они у нас забрали. Даже амбар на бревна разобрали. Но все равно скотину перерезали, все съели и через год с голоду пухли. Потому что не умели трудиться, беречь, а могли только грабить».

Арестовать прабабушкину семью Гавриловых не успели. Сосед Иван, которому они часто помогали, предупредил их об аресте. Он помог им собрать нехитрый скарб и даже дал свою лошадь и телегу. Трехлетняя дочка Таечка плакала и просила: «Дядя Ваня, не заколачивай наш домик, как же мы домой вернемся?!» Не пришлось Таечке вернуться домой. Она умерла, не выдержав скитаний, на Алтае в Хакасской автономной области, куда семья бежала, скрываясь от преследования. Тяжелая жизнь в постоянных гонениях, в болезнях и в голоде унесла жизнь и второй их дочери, двухмесячной Татьяны. Прадед Гаврил (муж прабабушки) особенно тяжело перенес смерть дочерей, но жена во всем его поддерживала.

Когда на родине репрессии поутихли, наши вернулись в Петропавловск. Вскоре началась новая волна репрессий, так называемая ежовщина. Людей арестовывали по ложному доносу, увозили в пятый лог и расстреливали без суда и следствия. Весь город замер в страхе, ожидая, у чьего дома остановится мрачный «черный воронок». Много добрых людей погибло безвинно тогда.

Только поутихли репрессии, люди вздохнули спокойно — началась Вторая мировая война. Прадеда забрали на фронт. Пелагея Петровна осталась одна с трехлетним сыночком Валентином и новорожденной дочерью Галиной. Работала как все — для фронта, для Победы. По ночам косила сено для коровенки и, впрягшись в телегу, возила его домой. Мечтала: «Все претерплю: тяжкий труд, голод, холод. Лишь бы Гаврюшенька вернулся живой. Пусть даже увечный, но главное — живой!» Кончилась война. Вернулся с фронта муж, весь в орденах, но с сильной контузией. На него стали находить приступы необъяснимого гнева, агрессии — последствие тяжелого ранения. Все вытерпела и по-прежнему беззаветно любила его жена.

Меня всегда поражало прабабушкино умение любить всех вокруг. Эта просто евангельская любовь! Для нее не было дальних — все ближние. Поразительная миротворица, она никогда в жизни не ссорилась с соседями. Как ей это удавалось, просто диву даюсь, ведь соседи у нас были весьма скандальные и сложные люди. Просто у прабабушки был удивительный дар ставить себя на место другого человека, почувствовать

то, что чувствует он, взглянуть на жизнь его глазами. Поэтому она никого не осуждала, всех любила и жалела, делилась щедро всем, что имела. В ее гостеприимном доме часто собирались родственники, соседи, друзья. И за столом обязательно пели русские народные песни, очень красиво, слаженно, разбившись на голоса. Пели душевно, по-русски, вкладывая в пение все свои эмоции, беды и радости, душу и сердце. То разойдясь в лихой молодецкой удали, то утопая в печали и любви — пели сердцем. Мне всегда казалось, что само застолье, блюда и напитки не имели для них большого значения, они приходили к нам «душу отвести».

Настоящая православная христианка, Пелагея Петровна всегда оставалась верна Богу. Даже в безбожное советское время она ходила в храм, а православные «божие» праздники в нашей семье праздновались по особенному торжественно и радостно. Дом был похож на невесту: все сияло чистотой; на окнах белоснежные, накрахмаленные кружевные занавески, как фата; на столе вышитая скатерть. Когда мы были маленькие, прабабушка ходила в храм на всенощную одна, нарядившись в праздничный, черный с красными и синими цветами полushалок. Рано утром мать будила нас: «Вставайте, уже прабабушка из церкви пришла!» Она с порога громко и торжественно начинала петь праздничный тропарь. Мы, еще заспанные, радостно и дружно подхватывали молитву. Потом целовались, поздравляли друг друга и садились за праздничный стол, заранее накрытый мамой.

Мне было года три-четыре, когда прабабушка взяла меня в храм святить куличи. Это событие вошло в мою память несмотря на детский возраст. Мы шли по пустынной улице в храм Всех Святых. Было еще темно и немного страшно. К нам присоединилась женщина с пасхальным узелком, затем еще одна и еще. И вот уже целый ручеек веры течет по улице. Постепенно в наш ручеек стали втекать с соседних улочек все новые и новые ручейки. Чем ближе мы подходили к храму, тем больше и многолюднее становился наш ручеек, больше уже походивший на тихую речку. Живую реку людей, объединенных одной верой, одним праздничным, особым чувством. Шли тихо и торжественно, бережно неся узелки и корзинки с куличами, пасхами и крашениными яичками.

Мне казалось, что мы, как и жены-мироносицы, идем ко Гробу Господню. Как будто мы еще не знаем, что Он воскрес. И вот мы приходим в храм, и батюшка, весь в белых, блистающих одеждах, как тот ангел у Гроба Спасителя, возглашает нам самую Великую и Благоую весть во Вселенной: «Христос воскрес!» И такая радость захлестывает сердце, что не могу не улыбаться, хочется смеяться и петь, обнять всех вокруг.

Христос воскрес! И мы спешим скорее в дома, несем пасхальную, радостную весть своим родным и близким. «Смотри, внучек, как солнце на Пасху радуется, играет весело!» — говорит прабабушка Поля. Смотрим, как солнышко кружит вокруг своего диска разноцветные, как радуга, круги — Пасхе радуется! Я не могу сдержаться и тихо начинаю петь: «Христос воскрес из мертвых...» Пелагея Петровна смотрит на меня ласково, смеется: «А что так тихо поешь — мало каши ел?» И мы вместе поем тропарь Праздника, потому что такое счастье, такую радость нельзя держать в себе — ее надо нести людям!

Дорогая, милая моя прабабушка Поля! Какой пример смирения ты показала нам, когда болезнь на долгие годы приковала тебя к постели. Тебя — человека, не мыслящего себя без земли, без своих цветов, без любимого храма! Не стала роптать на судьбу, не унывала, все приняла как должное. Никогда мы не слышали от нее причитаний, какие обычно говорят от тоски и безысходности тяжелобольные люди: «За что мне это все?!», «Да когда уже я умру?!», «Сколько можно так мучиться?!» Нет, прабабушка смиренно приняла крест, посланный ей Богом. Даже когда катаракта совсем скрыла ее глаза и она окончательно ослепла, спокойно попросила: «Поверните меня, покажите, в какой стороне иконы».

Любила она слушать радио, искренне переживая за президента России: «Царю-батюшке нашему тяжело, за него молиться надо!» Моя мама посмеялась над ее наивностью и сообщила прабабушке Поле, что это — царь России, а мы теперь — казахстанцы. В от-

вет Пелагея Петровна гордо выпрямилась, насколько позволяла ей сухонькая, горбленная спина, как бы вся посветлела и преобразилась. Она повяла рукой, твердо и с гордостью сказала: «Не... Я — россейка!» И столько в этих словах было любви к России, столько гордости за свою Родину! Такое чувство патриотизма на плакате не нарисуеть и в лучших стихах не выскажешь.

Умерла прабабушка на девяносто втором году жизни. Лежала в гробу, как живая, светлая, с печатью какой-то тихой радости на лице. На ее похороны собралось так много народа, что квартира ее дочери (моей бабушки Люси) не могла вместить всех желающих принять участие в панихиде. Сейчас и к молодым так много людей на похороны не приходит. Любила она людей, и люди ее любили! Весь гроб был завален цветами. Дай Бог каждому так достойно прожить свою жизнь, чтобы столько людей поминали тебя добрым словом!

Я думаю, что благодаря моей удивительной прабабушке моя бабушка, мама и вся наша семья искреннее верят в Бога, являются членами его Святой православной церкви и, несмотря на казахстанское место жительства и гражданство, ощущают себя россиянами! Нам необходимо сохранить и передать нашим потомкам это чувство любви к России, гордость за то, что мы русские! Вера в Бога и любовь к Родине были переданы нам благочестивыми предками просто на генетическом уровне, как говорится, впитались с молоком матери. Благодаря им я сейчас стою в храме Божьем, с верой и любовью к Господу. И я — русский!

г. Петропавловск, Республика Казахстан

